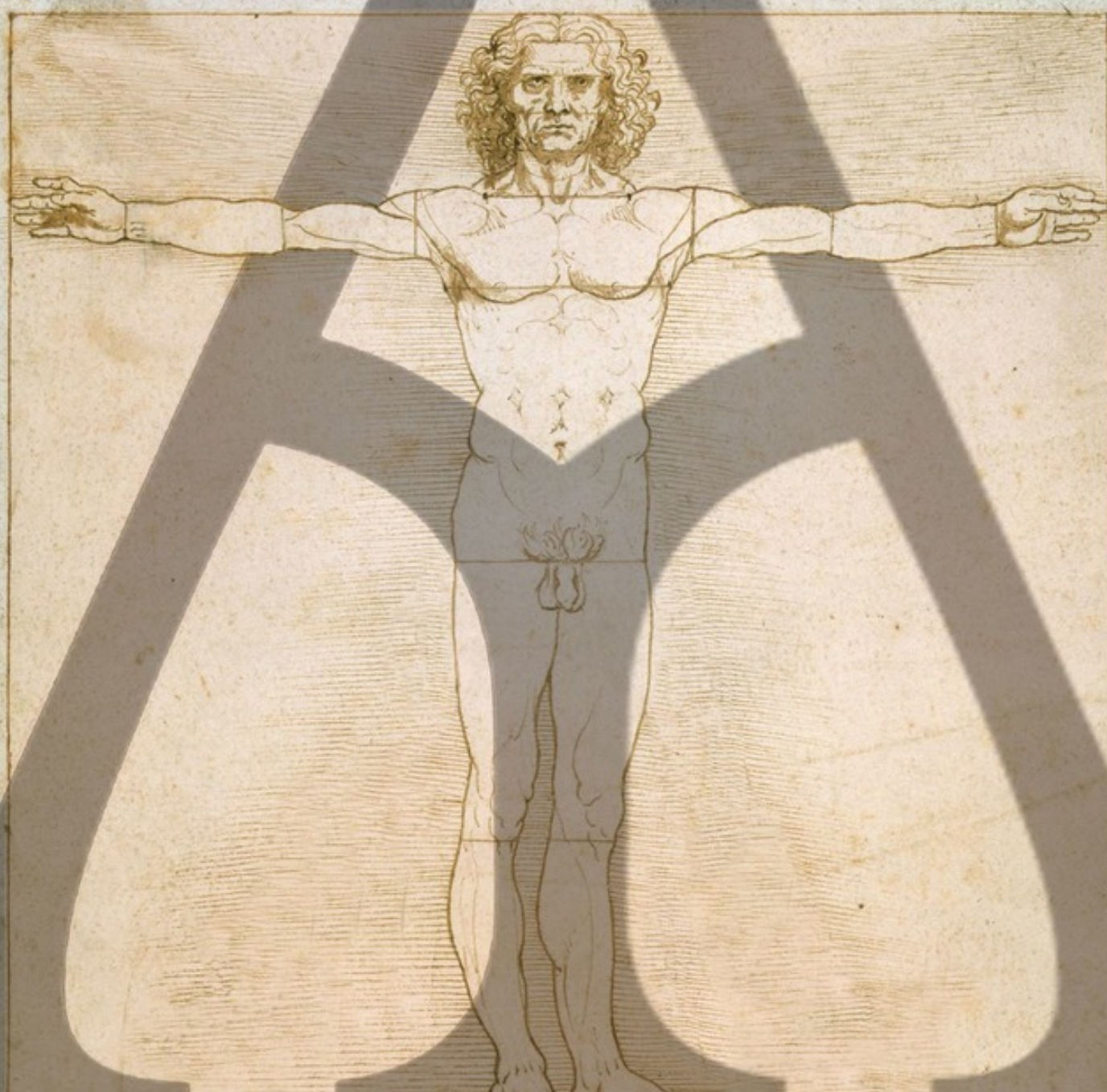

АЛЕКСАНДР ДАНИФ

От Я до А

Александр Даниф

От Я до А

«Издательские решения»

Даниф А.

От Я до А / А. Даниф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960175-9

В третий сборник Александра Данифа вошли стихотворения берлинского периода, в том числе две элегии и «Поэма о прощании в письмах». «От Я до А» — это литературный эксперимент, в ходе которого автор пробует найти ответы на экзистенциальные вопросы путем разделения своего мироощущения на отрезки, условно обозначенные буквами. Азбука его поэтического калейдоскопа приглашает читателя сложить разноцветные осколки воображения в новые фигуры и через них посмотреть в зеркало самопознания.

ISBN 978-5-44-960175-9

© Даниф А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ЗачАло сборника	7
Увертюра	8
А	9
Ю	11
Э	12
Ь	14
Ы	16
Ъ	17
Щ	19
Ш	21
Ч	23
Ц	26
Х	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

От Я до А

Александр Даниф

Иллюстратор Александр Ибрагимов

Редактор Ольга Александровна Маркова

© Александр Даниф, 2018

© Александр Ибрагимов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4496-0175-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга посвящается всем тем, кто не утратил способность любить и быть любимыми. Первое есть божественный дар, которым необходимо делиться, второе – кропотливый труд, который требует ежедневных усилий. Искры счастья возникают на стыке эти двух необходимых единиц человеческого существования.

На пути самопознания сборник может быть прочитан как в предложенном варианте от Я до А, так и наоборот – в привычном буквенном порядке, продвигаясь от конца сборника к его началу. Если вы предрасположены к игре, возможно, вам покажется интересным выбрать или загадать одну букву или составить слово, а затем прочитать стихи именно в той последовательности букв, как и в задуманном вами слове. Эпиграфы ненастойчиво предлагают другую перспективу на стихотворения. Однако для этого потребуется отыскать и прочесть цитируемое произведение в полном варианте.

ЗачАло сборника «Ѓ МА ДОЖЕ АЗЪ»

*Я Начало всего, ибо в сознании моем
Создаются миры.
Я ищю Бога я ищю в себе себя.
Бог всевидящий всезнающий всеильный
будущее совершенство интуиции как вселенского мирового
Сверхразума.
Я ищю Бога ищю своего лика, я уже начертил силуэт
и стремлюсь воплотить себя.
И разум мой служит мне тропинкой к тому, что
очерчено интуицией.*

Казимир Малевич

*La verità è l'anagramma di un anagramma.
Anagrams = ars magna.¹*

«Маятник Фуко» Умберто Эко

¹ Истина сокрыта в анаграмме анаграммы (дословный перевод с итал.: Правда есть анаграмма анаграммы). Ars magna (лат.) – великое искусство.

Увертюра

Янь – Южный Эликсир,
смягчающий Язык,
твердь тЩетности
и Штампы Чисел;
Цепляют Хитростью
Фигурки из Утробы,
Туманностью Судьбы,
Рассужелением,
Пророчеством,
Отчаянием...

и Невесомость Мысли —
Лунный Кон,
И-краткое – как Исповедь
от Звуков Жизни,
Ёршится Есень:
Дороги-разве-зло?
и Городотепло —
как Встреча с Божеством...
Аминь!

ЯСНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

Но что есть я? Я – только краткий миг...
Н. Заблоцкий

Элегия на заданную тему

Отбросив «Я» невидимую тень,
которая преследует с рождения до смерти,
что остается как итог от круговерти?
Паспорт, кредитка, телефон, из слов кистень,
визитка, письма, фотокарточка в конверте?

Весь этот хлам скрывается в значении «Я»,
«Я» – это мать, отец, сын, брат, сестра и дочка,
иллюзия театра, роли-одиночки
из жизни. Как картинки букваря —
мы видим смысл в названиях,
а суть лежит меж строчек.

Помимо роли, лица в зеркалах —
нас тешит отражением родимый облик
себя любимого, теплеет в сердце отклик,
когда мы созерцаем и в словах
находим свое имя – дым-петроглиф.

Лишь потеряв себя и отступив
от тысячи условностей воображения,
осознаешь ничтожество мгновений,
которыми наполнен твой сосуд, его испив
до дна, ты повторяешь жизнь
среди тысяч повторений,

в которых нить заложена предназначения
и понимание пути как финишной прямой,
из точки «А» до станции «Домой»
цепочкой выстроятся строго звенья
по правилам трагической кривой.

Я – только краткая частица бытия,
вплетенная судьбой в узоры дивных тканей,
искра, мелькнувшая от Света в сотне граней
алмазных копей, и Вселенная
в переложении на язык повествований,
во льдах космических открывшаяся полынья,

не имя, но мираж в пустыне знаний,
прослойка между бездной-бесконечностью нуля.

Ю юркая юность

*Кто знает, чем волнует нашу кровь
Такой полет в двоющемся пространстве...*
Д. Андреев

Транссибирская

Леса, плесы, перевалы,
Бьются скалы о колеса,
Бегут слезы вдоль оконца,
Грядут первые морозы.

Мы читаем эти знаки,
Пролетая над степями,
Косогорами, лесами,
Непокорные варяги.
И гудят в натуге рельсы,
И дрожит щебенкой насыпь.
Вы хотели ехать, грезить
И делить картинку на семь?

Раз – бежит вода по окнам,
Два – скрипит пропахший тамбур,
Три – соседей лица вздрогнут,
Четверть выпала из такта,

Пять – стучит настырный ритм,
Шесть – закружат вальс пыль с сажей,
Семь – затянет грустный гимн
Встречный скорый гул протяжный.

Леса, рельсы, насыпь, шпалы,
Провожают скалы поезд,
Из ущелья змейкой в прорезь —
Капли рек воды усталой.

Э эйфория эфемерности

Всё дело в одиночестве бездонном.

И. Бродский

Нет в эмиграции трех граций,
привкус фрустрации, тень потолка
маячит призраком,
как декорация из «Гамлета», —
«Бог из машины» опускается на сцену,
молвит:
«Есть бесконечно многое на свете,
друг Горацио,
что бесполезно без рождения
в суть нации и языка».

В чем смысл операции
искоренения себя из культа трех
и извлечения источника всех бед
и корня зла из четырех,
и погружения себя в обратное
от силы духа милых двух,
и заточения души в стократное
увеличение слуха – город глух,
и приглашения себя на казнь-кастрацию —
безродной речи затрещины,
и искажения себя аллитерацией
безропотной тарабарщины?

Что ж, в бесконечности скитаться нам —
глаголет зазеркалья тень,
куда податься, если некому отдать себя
плодами да призыванием?
Куда бежать, кому писать свои признания,
кого кормить из рук,
куда девать воспоминания тревожные
о всё тех же милых двух?

Вот смысл аберрации!

«Бог из машины», как прожектор,
бьет сквозь тучи ввысь.
В душевном отчуждении не скурвиться —
луч начертал надьсь.
Год обернется вокруг себя, пообещал,

вольется в Вологу всяка струя,
и улыбнется чадушкам,
сынам и дочерям Мать-Сыра Земля.

Ь ...дцать Инь

*Оттого и сердцу стало сниться,
что горю я розовым огнем.*

С. Есенин

Тридцать лет – это не шутка,
Тридцать лет – это жестко!
И не шарж, словно блажь, прибаутка —
Дверь, над дверью висит подковка.

Ни жены нет, ни хаты, ни денег,
Всё, что было, увы, разбазарил,
За идею, мечту, увлечение —
Променил свечу на фонарик.

Нет раскаянья – боги не сжалятся.
Врагов нет, да и месть не предвидится.
Мир меняется, а люди – тратятся.
Мир останется – человек подвинется.

Есть любовь, бесконечная, страстная,
К тем, в кого я влюбился без памяти,
И в друзей, и в подруг – пир без скатерти,
Только строки чернеют на паперти.

Чую, память хиреет, кривляется,
Знаю, счастье людьми избирается,
Коль запомнил вас, вы мне тридороги,
Остальное пусть напрочь стирается.

Помню только самое доброе,
Верю только в самое лучшее,
И надеюсь, простите-забудете
Вы ошибки мои. Ах, как скучно мне!

Я живу под звездою, но в праздности,
Наслаждаюсь остатками пиршества,
Умирают люди, снова рождаются,
Едут поездом, метро, рикшами,

Разгоняются, летят самолетами,
Разбиваются о стены презрения
Фауст с Мышкиным, Дон Кихот. А мы?
Переполнилась чаша терпения.

Люди! «Люди!», – кричу я вам.
Я люблю! Я дышу! Я вижу!
В наготe, посмотрите, не чувствую срам,
Здесь на теле взрывается грыжа.

Мне не стыдно за бредни из тонких слов,
За предание из песен и басен,
Я вам рад подарить сотни тысяч штрихов,
Свет их красок и легок, и ясен.
Мне хотелось призвать свою музу в союз,
Но писательство – в многобрачии,
Доверяю Эвтерпе судьбу я свою,
Мельпомену целую смачно.

Вот мой летний полет из искрящихся дум,
Где-то в них затаился леший,
В сказке саблей машу, как безумный драгун,
Так, что леший от страха опешил.

Подытоживать глупо, я понял уже,
И не важно: встал рано иль поздно,
Нужно знать, что живется не для миражей,
Сердце движется правильно к звездам.

Не жалею, не плачу, стою и смотрю,
Что же выйдет из моего творчества:
Боль глаголом прижгу и судьбу покорю
Или буду молчать и затворничать.

Ы ЯЗЫКА КЛЫК

*Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница.*

И. Анненский

Промозглых вечеров извечная тоска
в случайности заката совершит
стихийный самосуд,
между распятием раскаяния души
и плетью языка
лежит пропасть сознания —
его вплетения душу спасут.

Бессмысленные возлияния заполнят пустоту
звуками бульканья,
повышен градус от/ст/упления в крови,
и миропонимание ума заменит красоту
невыразимой лаской —
соучастием
в великом погружении внутрь
сил любви; огонь трепещет,
обреченный наготой
на жар, — его дождем, вином
и тишиной не погасить,
лишь через сон в согласии-
смирении с самим собой
возможно облегчение испытать,
во тьме луч света обрести
и пламя приручить.

Унылых вечеров постылая тоска
тревожит сердце скоротечной
болью одиночества пути,
и ожидание пророчества зудит в груди —
котел слияния вселенных
лижет пламень языка.

Мы словно в фильме —
 пьяные бездарные актеры,
свой херес дотянув,
 наполнили слезами споры,
запутаны в тенетах телеса,
 как прирожденные суфлеры,
подсказываем городу его слова:
«cherchez le hymne»!

Но город – глух, он – крик,
размазанный по стеклам окон,
он – звон в ушах, он – бит, он – взрыд,
 он – всклок, он...
в бетонном камне заточенный
 потайной запретный танец,
как будто бы кричит, облаянный собаками,
 обдолбанный засранец,
и оставляет лету звук заезженной пластинки,
 смерд и глянец,
и граффити неон подсвечивает,
 превращаясь в свой же клон.

Щ ЩЕЛОЧЬ ТЩЕТЫ

*И будет много шатких коек
Скрипеть под шаткостью любви.*

Н. Панченко

Вам не кажется умыслом космическим,
что один город почти что очистился
от скверны националистической,
другой же – погряз в трагическом
угаре шовинизм-демоническом?

Менялись года и правители,
кого-то сажали, кого-то рожали,
об кого-то ноги вытерли,
и вот из-за горизонта дремучих лет
встает снова призрак в знакомом кителе.
Зигуют молодчики, зиг-хайль-привет,
цвета хаки на либераморальный букет,
нет управы на угоревших духом и сил нет
объяснять господам из зала,
как кровь стынет,
как вращал в землю,
согнут в три погибели
необстрелянный птенец —
юнец-небожитель,
неужели дороже людей нам скелет
идеологии в изъеденном молью свитере?

Освободители, вас давно с нами нет,
у нас теперь другие лидеры!
Лидеры продаж, молящиеся на кабинет,
заморский корсет-гаджет
с латинской литерой.

Пропавший без вести
остался без памятника —
гаси свет, у нас в обители
теперь фильмы легенд
про других праведников,
с красивыми лицами,
не нюхавшими войны, пороха,
даже не Штирлицы,
неуклюжие жесты, нелепые знаки,
небылицы...

Внуки, сыны победителей окраин столицы,
вам не спится?

Вы бдительны?

Вам не кажется это глупостью комической
или происками сатаны,
что никак мы не можем очиститься
от скверны псевдоисторической,
а закрываем глаза-уши
во лжи циклопической
и надеваем чужие штаны?

Ш шорохи шепота

*Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать...*

А. Пушкин

Залез в интернет, проверить посты, комменты,
а там – зеленый абсент штампов,
антидепрессанты, мыслеэкскременты,
повторение фрагментов фраз,
как-кино-вниз-крутишь-ленту,
роль в театре играешь,
это раз!

В чужих словах ищешь соль,
в свете рампы не видим зал,
и только голос суфлера-дьявола
нашептывает твой пароль,
это два!

Рот закрой...
Очертания голов, роптание, укор,
когда-то где-то прочитанные варианты
того, как мыслить политкорректно,
нести вздор.
Договорились? Дошли до ручки?
Отлично! Совсем другой коленкор!
Это три!

Глаза протри...

Когда будем Слово творить?
Сопоставлять факты, вести разговор
на основании умозаключений,
а не отречения
от заведомо «неверных» решений.
Два плюс два – четыре? Умница!
Попробуем смотреть на мир шире!
Для начала избегать кретинизмов:
коммуни-, фемини-, капитали-, либерали-,
секси-, патернали-, вегани- —
эти де-фи-ни-ци-и
набили оскомину, и попахивают клизмой,
вымывающей через задницы
последнюю жизнь из души.

Зачем прошлое ворошить?
Пошлое перескажи...

Ч числа чрева

Элегия «Тяга к кромешности»

Мне холодно, читатель, мне темно...

Б. Рыжий

В безутешности рыданий души,
в невероятной её безгрешности
есть два пути выхода из тупика круговерти —
это поиск гармонии в жизнесмерти
и хождение по мукам кромешности.

В беспросветной тьме
поиска черной кошки там, где её нет,
легко схватить за полхвоста
первый попавшийся предмет
и принять его за оттиск ответа
(ведь во тьме любое движение – просвет),
а за ним... страх конца света.

Мы на ощупь рвем раны, заливаем глаза,
натываемся на стены заблуждений и рьяно
идем на надрыв, чтобы затем, вены вскрыв,
объяснить себе
(или это шипит вода из-под крана?),
что во всем виноват Вселенский взрыв,
рвущий нас на клочки,
из которых потом соберутся волчки галактик,
закрутившихся в сумраке КАДа —
в водовороте асфиксии
перед глазами круги,
и конечно, это круги ада.

В зияющей пустоте своего «Ци»
меж предельной наполненностью
и опустошенностью Сути
гранитной плитой лежит
камень преткновения —
сознание камертонности.
Колебания маятника
от полнейшего понимания
и принятия своей судьбы
до смятения кромешной мглы —
пронзительной жутью струна на лютне
оборвется высоким «си»,

отпоет звуком, в котором исчезают люди.

Пульсацией вены

биение сердца обусловлено,
тянутся нитями внутри субстанции волны —
колыхание в груди, а вот и мы исполнены
желанием перейти в потустороннее.

И куда ни ткнешь —

сплошная боль, да Оль?
Надрываем жилы до мути,
крик безумия – сорваны связки,
но в кромешности нету развязки,
в темноте полюблю боль —
опорой кажется ноль,
временное подспорье – алкоголь,
побег без оглядки
в феномен себяизложения —
игры в прятки через стихосложение,
уравновешивание отпечатков души в рифмах,
словах-опечатках. Чистоплюйства перчатки
снимем. Говорим только то,
в чем видится соль.

Искажение лица не есть символ боли,
крик – это не символ печали,
плач – это не символ страдания,
мы всё это проходили и когда-то изучали.
Жизнь – многослойна и одними свечами
погребальными её описание не увенчаешь.

Это тяга к загробной дали,

надрыв полотна-завесы,
отсекающей театр повседневности
от закулисья потусторонних бесов.
А мы зрители и ждем новостей,
побольше подноготных подробностей,
и куда уж без них, без скабрзностей,
побольше исступленной словесности,
нигилизм в портупее, а что в конце?
«Сказка о золотом яйце»

Как? – огорошены зрители, —
пока мелодраму смотрели
(или мелодрама смотрела нас?),
жизнь-яйцо разбили, похитили?
Аплодисменты,
трясется иконостас от смеха
и тут же афиша: «Спешите, спешите!»

Аттракцион гадких терзаний
глупого человека!»
Мы же любим мертвецов оживить,
погреть руки на костре чужой любви,
поплясать на мучениях прошлого века?
Чего уж греха таить.
Хочется спросить тебя, её, себя,
одинокого человека:
не надоело носить в решете воду,
пить наугад правду, в кромешной мгле
мúку толочь, помнить ночь
появление на свет из пром/зон/ежности?
Жаль, процесс появления нельзя повторить.
Повторить можно боль с лихвой,
на пупок надавить, разорвать рану, соль
сыпать и голосить,
но блуждание в темноте
искаженных смыслов
не приносит ответ в целых числах,
впрочем, числами тоже не будешь сыт.
Ты в кино:
в безутешных рыданиях души
посмотри на часы,
на часах циферблатом лежит вся жизнь,
раздели на двенадцать, стрелка заворочит,
сон-асфиксия, перед глазами круги,
существуй и живи, жми на точку Пи...
И в кромешной тьме без/д/над/н/ежности,
в беспросветном желании
заполнить стигматы
ты идешь на манеж, чтобы SOSтрить,
набиваешь в рот стек/с/ловаты
и начинаешь словотворить.

Ц инициация целой ЦИфры

*Невозвратно. Неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.*

М. Цветаева

Всё минет – годы разбегутся,
мы – лишь при мясе кости,
прямо ходящие
 среди водорослей на планете,
рыбы немые, говорящие и внемлющие,
как микроточки на планшете карт,
где в миллиметрах
 суть гигантских расстояний.

Рог изобилия к нашим услугам,
ты только наклонись и подними,
 чтобы примерить,
прикинь размерчик и накинь на плечи,
носи на здоровье убитого зверя.
Вот только не спутай процесс нагибания
 с желанием прогнуться
перед тебе же подобным
 созданием одноутробным.
Стой прямо, смотри в глаза, дыши ровно!

Всё минет, здесь мин нет,
и жаркий минет канет в память,
как капля в беспамятства омут,
иль в темноте бездна
уйдет в неизвестность.
Живи, сагре diem, в усладе,
день не навсегда,
урожай пожинаем сегодня,
пока в тебе плещет вода,
хлещет плач по щекам,
бежит изнутри через глаза наружу.

Ты – это барракуда,
плывешь словно дышишь,
покуда ты разницу слышишь:
Как лучше?
Бар... рак... удав...
Бар? А куда?
Ба! Раку да!
Бар – рак уда?

А, Дукар, раб? Адук араб? Ад у карраб?
Рагу у бар, а рабу угар!

Лингвистические происки,
языковые прииски,
ласкающие киски,
холодный виски и лед айсберга —
дрейфующая глыба, плакучая ива,
плывет рыба, вмерзает в море,
расплавляясь в миноре,
возникает из горя —
в никуда отправляется из ниоткуда.

Всё минет – разбегутся годы,
минуты и часы разложатся в секунды.
Большое расстояние равно стоянию на месте.
И ледяной кристалл растает,
разлетится вдребезги
и растворится в льдине времени,
исчезнет, чтоб потом воскреснуть
как часть чего-то большего
и просто как частица, былинка и нейтрино,
всё-ничего, со смыслом и без смысла,
где бездна, там и бесконечность.
И вечность, и конечно, Млечность
без точки начала отсчета и без конца.

Х

хула хвалы или хвала хулы

Черную топь неизвестности

Режет моя лабья.

З. Гиппиус

М/и/ша М/а/ше сказал/а/
если ты – поэт, то
это...
прежде всего ничего не значит,
первым делом нужно хреначить,
тянуть борозду жеребцом, кобылицей,
сивым мерином, дохлой клячей,
и как не крути, всё равно сыграешь в ящик
рано или поздно, а как иначе?

Ну а что, играть в фанты?
Какие-то есть еще методы или варианты?
Надеть ботфорты, манишку, жабо,
анжамбеман, плюмажи, аксельбанты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.